

И. Я. Фроянов

ПРЕСТИЖНЫЕ ПИРЫ И ДАРЕНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Социальная роль частных богатств в архаических обществах все больше привлекает внимание советских ученых — этнографов, историков и археологов. Исследователи отмечают своеобразие ценностных ориентаций на ранних этапах формирования общественных классов. Имущественный достаток в условиях обозначившегося распада первобытного строя служил средством продвижения в обществе как родственных объединений, так и отдельных индивидуумов¹. На историческом опыте варварских королевств Западной Европы эту особенность использования материальных благ убедительно раскрыл А. Я. Гуревич. Богатство у варваров, подчеркивает он, имело не столько утилитарное значение, сколько престижное². С помощью богатства родовая знать поддерживала и расширяла свою власть и личный авторитет среди соплеменников³.

Наблюдения над жизнью индейцев Северной Америки обнаруживают хотя и более древнюю, но все же наделенную определенным сходством картину. Речь идет о потлаче — социальном институте, который в советской историографии обстоятельно изучала Ю. П. Аверкиева. Существо данного института заключалось в публичной демонстрации и раздаче сокровищ, накопленных индейцами⁴. Потлач был вначале специфическим способом имущественного нивелирования и противодействия общинных начал личному обогащению⁵. В нем как бы сочетались две формы собственности: изначальная коллективная и зарождающаяся частная⁶, причем последняя носила подчиненный общинной собственности характер⁷. С ростом имущественного неравенства в потлаче зримее проявлялась свойственная ему диалектическая сущность: утверждение индивидуального богатства через его распределение по принципу коллективизма. Однако в любом случае потлач был тем рычагом, с помощью которого люди достигали высоких престиж-

¹ А. М. Хазанов, Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества, в кн. «Первобытное общество», М., 1975, стр. 110, 111.

² А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970, стр. 68.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, 1961, стр. 34—36, 115—117, 179—186, 225—231; ее же, Род и община у алгонкиев и атапасков Американского Севера, в кн. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 19—23; ее же, Индейцы Северной Америки, М., 1974, стр. 104—109, 159—168, 272—274.

⁵ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины..., стр. 115.

⁶ Ю. П. Аверкиева, Индейцы Северной Америки, стр. 81.

⁷ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины..., стр. 35, 137, 181.

ных позиций, укрепляя свое положение в обществе⁸. В потлаче отразились противоречия переходной эпохи от доклассовой формации к классовой⁹.

В свете выводов Ю. П. Аверкиевой о потлаче североамериканских индейцев пыталась рассматривать так называемое «нищелюбие» древнерусских князей В. И. Горемыкина. Обоснованной представляется ее мысль о том, что раздачи имущества и пиры князей с участием народа в Древней Руси генетически восходят к родовому строю¹⁰. Пир и раздача В. И. Горемыкина справедливо считает орудием упрочения политической власти и социального статуса древнерусской знати¹¹. Вместе с тем, проводя слишком прямые аналогии между потлачем индейцев Северной Америки и «гостеприимством» в Киевской Руси, она сглаживает различия сопоставляемых явлений. Не всегда удачно пользуется В. И. Горемыкина и сравнительно-историческим материалом¹².

Возникает вопрос, насколько пиры и раздачи богатств в Древней Руси созвучны обычаям древних обществ? Правомерность такого вопроса вполне очевидна, если учесть повсеместное в первобытные времена широкое распространение порядков, связанных с перераспределением частных богатств на основе коллективизма. Подобные порядки завидетельствованы у эскимосов и индейцев Северной Америки, у племен Полинезии и Меланезии, народов Европы, Азии и Африки¹³. Разумеется, эти раздачи модифицировались во времени. На примере потлача Ю. П. Аверкиева показывает их эволюцию. Сначала при разделе частных богатств «действует принцип уравнивания в имуществе»¹⁴. Несколько позднее «перераспределению подлежали также все частные богатства, но большая и лучшая часть богатств распределялась среди богатой родовой верхушки, беднякам же доставались меньшие и худшие из раздаваемых вещей»¹⁵. На следующей стадии раздавалось уже не все богатство, а только часть¹⁶.

Сходные перемены прослеживаются и в организации пиров. К числу наиболее древних надо, вероятно, отнести межобщинные празднества — пиры, похожие на те, которые описаны у папуасов Новой Гвинеи¹⁷. Межобщинные пиршества, типичные для первобытных обществ, имели свою динамику, обусловленную развитием общины. Так, с вытрезвением соседской общины в организации пиров явственнее выступает складчина, невозможная в рамках родовой общины, где все

⁸ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины..., стр. 35, 127, 185; ее же, Индейцы Северной Америки, стр. 107, 164, 165, 191.

⁹ Ю. П. Аверкиева, Индейцы Северной Америки, стр. 108.

¹⁰ В. И. Горемыкина, Классовый и политический характер «нищелюбия» древнерусских князей, в кн. «Вопросы истории», вып. II, Минск, 1975, стр. 29.

¹¹ Там же, стр. 27, 30.

¹² Уподобляя княжеские пиры и раздачу имущества в Киевской Руси потлачу индейцев, В. И. Горемыкина ставит их также в один ряд с древнегреческой литургией и древнеримскими хлебными раздачами импен-протестариям, там же, стр. 30. Едва ли пиры и дарения на Руси (а тем более потлач) соответствовали литургии и хлебным раздачам в античном мире.

¹³ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины..., стр. 259; А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 184.

¹⁴ Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины..., стр. 259.

¹⁵ Там же, стр. 260.

¹⁶ Там же. Этнографической науке известны также традиции, когда материальные богатства оседали недвижимыми сокровищами, которые намеренно выставляли для всеобщего обозрения, чтобы поднять престиж их владельца. Так, в Меланезии, где функцию денег выполняли циновки, богатые люди держали у себя дома «50 и более циновок, висящих и приходящих в ветхость,— доказательство древнего богатства» (В. М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ, Л., 1976, стр. 91). В Микронезии рекламой зажиточности служили огромные каменные диски, лежащие возле хижины богача и составлявшие предмет его гордости. Кроме кн. В. М. Массона, см. «Народы Австралии и Океании» (сер. «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 444, 739, 740.

¹⁷ В. М. Бахта, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество, в кн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 313, 314.

запасы составляли общее достояние. Далее можно говорить об устройстве пиров «всеми членами сообщества по очереди» как о новом шаге на пути их развития. И затем уже идет пир в хорамах вождя¹⁸.

Таким образом, и задачи богатств и пиры в архаических обществах постепенно менялись соответственно социальным сдвигам, происходящим в недрах этих обществ. Вот почему, выясняя конкретные черты пиров и дарений, мы получаем возможность судить в известной мере об уровне развития общества в целом. Древняя Русь не представляет в этом плане исключения.

Отечественные памятники старины, преимущественно летописи, донесли до нас многочисленные сведения о пирах и дарениях, процветавших на Руси X—XII вв. «Повесть временных лет», сообщая о деяниях Владимира Святославича, вводит исследователя в атмосферу застолья и щедрости, царивших во дворце князя. В 996 г. Владимир, учредив десятину для молодой русской церкви, «створи праздник велик в ть день боляром и старцем градским, и убогим раздая имень много». В том же году он, «поставив» церковь Преображения в Василеве, устроил «праздник велик, варя 300 провар меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы, и раздая убогим 300 гривен. Праздновав князь дний 8, и възвращашеться Киеву на Успенье святыя богородица, и ту паки сотворише праздник велик, съзывая бещисленное множество народа». Летописец оповещает, что князь «творил» все это ежегодно. По словам книжника, Владимир, воодушевленный библейскими призывами к нищелюбию, «повеле всякому нищему и убогому приходить на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотыниц кунами». Для тех, кто не мог по немощи добраться до княжеского двора, Владимир приказал слугам своим грузить телеги мясом, рыбой, овощами, медом и развозить еду по городу. Каждое воскресенье в княжеской гриднице пировали бояре, гриди, сотские, десятские, нарочитые мужи¹⁹.

В летописном повествовании о дарах и пирах владимировых просматриваются две линии в интерпретации мотивов щедрости киевского князя. Доброту Владимира летописец толкует по-разному в зависимости от того, к кому она обращена: к верхушке ли общества, именуемой дружиной, или к народу. В одном случае все выглядит вполне жизненно и реалистично. В среде дружинников князь считается первым среди равных. Без дружины он, в сущности, не князь. Многозначительна в этой связи изображенная летописцем бытовая сцена. Бывало, дружинники «подъпхуться, начьняхуть роптати на князь: „Зло есть нашим головам: да нам ясти деревянными лъжицами, а не серебряными“. Се слышав Володимер, повеле исковати лжице серебряны ясти дружине, рек сиче, яко „Сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой дожскася дружиною злата и сребра“ Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем...»²⁰. Надевая дружину столь ощутимым общественным весом, летописец не искажал действительности. Понятно, почему в его описаниях щедрость князя по отношению к дружинникам чужда легкомысленной расточительности или душеспасительной благотворительности. Это — прекрасное осознанное средство сплочения дружинников и поддержания княжеского авторитета в их среде²¹. Подобная политика вытекала не из особых и неповторимых личных свойств Владимира, ее диктовала исто-

¹⁸ Р. С. Липец, Эпос и Древняя Русь, М., 1969, стр. 146.

¹⁹ «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), ч. I, М.—Л., 1950, стр. 85, 86.

²⁰ Там же.

²¹ См. В. В. Мавродин, Образование Древнерусского государства, Л., 1945, стр. 323, 324, 335, 336.

рическая обстановка, в которой устои родо-племенного строя были еще не расшатаны.

В иной плоскости рисует летописец княжеские дары, предназначенные народу. Тут он отходит от исторической правды и выводит Владимира неким просветленным неопитом, охваченным чувством нищелюбия, согревающего бедный и убогий люд. Перед нами явная стилизация, исполненная в духе христианского вероучения²². И об этой особенности летописи как источника исследователь, изучающий Русь эпохи крещения, должен помнить. К счастью, важную услугу, восполняющую указанный недостаток летописи, ему оказывают эпические произведения Древней Руси, в которых нет того налета религиозности, какой замечен в летописных записях, принадлежащих иноку-летописцу²³. Былины позволяют историку взглянуть на пиры и дарения времен Владимира Святославича не из кельи монаха-книжника, а глазами рядового жителя Руси. В эпосе мы обнаруживаем яркие сцены застолий, сопровождаемых различными одариваниями. Сравнительно недавно эпические пиры в их структурном и функциональном аспектах тщательно исследовала Р. С. Липец²⁴. С большой основательностью она также изучила одаривания на пирах²⁵. Обработанные ею материалы эпоса плюс известия «Повести временных лет», приведенные нами выше, дают право уверенно говорить о широкой распространенности пиров и дарений на Руси в конце X столетия²⁶.

Пиры той поры нельзя сводить к обычным придворным увеселениям или общинным попойкам на Руси²⁷. Это поняли уже ученые прошлого века. Еще А. А. Попов увидел в них социальный институт, составлявший «некогда одно из важных явлений в общественной жизни времен давно минувших»²⁸. Советские авторы не сомневаются в том, что за пирами и дарениями скрываются политические учреждения. По Д. С. Лихачеву, владимировы пиры были «формой постоянного общения князя и дружины, формой совещания. Они находили себе экономическое основание в характере „кормления“ дружины у князя»²⁹. Б. А. Рыбаков, соглашаясь с Д. С. Лихачевым, все-таки полагает, что пиры Владимира есть не только своеобразная форма совещания князя с дружиной, но и форма «реального общения князя и его огнищан и воевод с широкой массой различного рода, притекавшего в стольный город»³⁰. Отдавая предпочтение версии Б. А. Рыбакова, заметим, что речь, вероятно, идет не столько о людях, прибывающих в Киев, сколько о представителях местного рядового населения. Пиры Владимира — форма общения княжеской власти с народом (помимо дружины, разумеется), орудие укрепления ее престижа в народе. Являлись ли пиры с участием простого люда и обычай одариваний лишь отзвуками глубокой старины? Были ли они реалиями только княжения Владимира или же и более позднего времени?

²² Р. С. Липец, Указ. раб., стр. 125—250.

²³ Там же, стр. 125.

²⁴ Там же, стр. 120—125.

²⁵ Там же, стр. 239—266.

²⁶ Подтверждение этому находим и у зарубежных информаторов — современников Владимира. Титмар Мерзебургский, например, сообщает о щедрых милостынях Владимира, о том, что князь выкупал пленных и кормил их. Правда, Титмар мотивирует поведение Владимира стремлением очистить себя от скверны прошлой языческой жизни. См.: В. В. Мавродин, Указ. раб., стр. 336.

²⁷ В. В. Мавродин, Указ. раб., стр. 336.

²⁸ А. Попов, Пиры и братчины, в кн. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. II, пол. 2, М., 1854, стр. 38; см. также Л. Майков, О былинах Владимира цикла, СПб., 1863, стр. 67.

²⁹ Д. С. Лихачев, «Эпическое время» русских былин, в кн. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 58; см. также: В. П. Аникин, Русский богатырский эпос, М., 1964, стр. 101; Р. С. Липец, Указ. раб., стр. 127—131.

³⁰ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, М., 1963, стр. 61.

В современной литературе о пирах и дарениях говорится, как правило, применительно к эпохе Владимира³¹. Однако источники свидетельствуют о другом. По «Повести временных лет», князь Святополк, правивший в Киеве после смерти Владимира, созвал людей и «нача даяти озем корзна, а другим кунами, и раздая множество»³². Акция Святополка пусть отдаленно, но напоминает потлачи индейцев, приуроченные к замещению должности вождя³³. Конечно, здесь нет прямого сходства. Святополк, видимо, хотел задобрить киевлян и привлечь их на свою сторону в преддверии неизбежной борьбы с братьями за Киев. И тем не менее в своих действиях он, безусловно, опирался на древние традиции, требующие от князя проявления щедрости при получении власти.

Чтобы удержать власть, князьям приходилось не скупиться. Примечателен в данном случае эпизод, сохранившийся в Ипатьевской летописи под 1159 годом. Дело было в Полоцке, где тогда княжил Ростислав. В городе возникли волнения, ибо многие полочане «хотяху Рогъ-волода». Князь с трудом сумел поладить с горожанами: «Одва же установи людье Ростислав, и одарив многими дарми, и води я к хресту»³⁴.

С помощью даров князья обычно стремились сохранить добрые отношения с народом. Отправляясь «во Плесков» в 1228 г., Ярослав не забыл взять подарки псковичам: «паволоки и овощь»³⁵. Правда, горожане, напуганные слухами о том, «яко везеть князь оковы, хотя ковати вятшии мужи», закрыли ворота и не пустили Ярослава. Но для нас важен не этот инцидент, а то, что князь считал естественным явиться в подведомственный ему город не с пустыми руками.

Часто поводом к раздаче богатств была смерть какого-нибудь князя или ее приближение. В апреле 1113 г. «преставися благоверный князь Михаил, зовемыи Святополк». Вдова усопшего «много раздели богатство монастырем и попом и убогим, яко дивитися всем человеком, яко такая милости никтоже может створити»³⁶. По смерти в 1154 г. князя Вячеслава раздавали одежду, золото и серебро монастырям, церквям и нищим³⁷.

Почувя приближение смертного часа, Ярослав Осмомысл велел «раздавати имение свое монастыремь и нищим, и тако даваша по всему Галичю по три дни и не могоша раздавати»³⁸. Неизлечимо больной Владимир Василькович «розда убогим имение свое, все золото и серебро, и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемь стяжал, все розда. И блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и поля и розъсла милостьню по всеи земли, и стада роздая убогим людем, у кого то конии нетуть»³⁹.

Все эти предсмертные и посмертные раздачи материальных ценностей летописцы тщатся выдать за милостыню «боголюбивых» и «богобоязненных» князей, блюдущих заповеди христианства. Но, как известно, социальные институты возникали «не из природы христиан-

³¹ См.: «История культуры Древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 275, 276; С. Лихачев, Указ. раб., стр. 58; Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 59—62; Р. С. Липец, Указ. раб., стр. 149.

³² ПВЛ, ч. I, стр. 95.

³³ Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины..., стр. 128.

³⁴ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. II, М., 1962, стб. 494.

³⁵ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стб. 271.

³⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 275.

³⁷ Там же, стб. 473.

³⁸ Там же, стб. 657.

³⁹ Там же, стб. 914.

ского, а из природы человеческого общества»⁴⁰. У нас есть веские причины связывать генетически раздачи богатств «на помин души» с обычаями доклассового общества⁴¹.

Летописцы не раз говорят о грабежах имущества умерших князей. В 1157 г. киевляне разграбили дворы покойного Юрия Долгорукого⁴². Расхищено было богатство и сына Юрия, князя Андрея, убитого заговорщиками⁴³. Историки обычно квалифицируют эти грабежи как акты классовой борьбы⁴⁴. Не отрицая, конечно, наличия в них социального протеста, заметим, что тут можно предположить и отзвук социальной психологии первобытного общества. Так, согласно представлениям южноафриканских скотоводов-банту, «вождь не имеет ничего своего, все, чем он владеет, принадлежит племени»⁴⁵. Поэтому «совокупный прибавочный продукт, отчуждающийся в самых различных формах в пользу вождей и предводителей, рассматривается не только как компенсация за отправление общественно-полезной функции управления, но и как своего рода общественный фонд, расходование которого должно производиться в интересах всего коллектива»⁴⁶. У индейцев-кочевников «бывали случаи, когда общинники, узнав о смерти богатого индейца, бросались к его табуноу и захватывали лучших коней. Они могли пренебречь завещанием умершего и ничего не оставить его вдове и детям»⁴⁷.

Показательно, что «ближайшие родственники умершего не имели права препятствовать этому расхищению наследства. С особенным рвением оно осуществлялось в отношении табунов скупых богачей. В этом поведении сородичей и общинников, как и в обычаях дележа наследства умершего, можно увидеть пережиточное бытование прежнего коллективного владения скотом»⁴⁸. В свете приведенных этнографических данных грабежи имущества умерших князей поворачиваются новой гранью, преломляющей остаточные явления, уходящие в глубь веков. Внутренний смысл их становится понятным, если вспомним, что князья на Руси XI—XII вв. благоденствовали в значительной степени за счет кормлений — своеобразной платы свободного населения за отправление ими общественных служб, происхождение которой теряется в глубокой древности⁴⁹. Такая архаическая по своей сути система оплаты княжого труда способствовала выработке взглядов на княжеское добро как на общественное отчасти достояние. Думается, ничем иным нельзя, например, объяснить обязанность князей в Киевской Руси снабжать народное ополчение конями и оружием⁵⁰. Думается, любое истолкование летописных записей о посмертных грабежах княжеских

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 110.

⁴¹ См.: Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины..., стр. 181, 182.

⁴² «И много зла створися в тот день, розграбиша двор его (Юрия.— И. Ф.) красныи и другии двор его за Днепром розъграбиша, его же звашеть сам Раем...», ПСРЛ, т. II, стб. 489.

⁴³ «Горожане же боголюбци розграбиша дом княжь... грабители же и псы сел приходяче грабяху, тако же и Володимери, оли же поча ходити Микулиця со святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити», ПСРЛ, т. II, стб. 592.

⁴⁴ М. Н. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., М., 1955, стр. 161, 162, 231—234; В. В. Мавродин, Народные восстания в древней Руси, М., 1961, стр. 83—86; Л. В. Черепнин, Общественно-политические отношения в древней Руси и «Русская Правда», в кн. «Древнерусское государство и его международное значение», М., 1965, стр. 268, 269; П. П. Толочко, Вече и народные движения в Киеве, в кн. «Исследования по истории славянских и балканских народов», М., 1972, стр. 142.

⁴⁵ А. М. Хазанов, Социальная история скифов, стр. 184.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ю. П. Аверкиев, Индейцы Северной Америки, стр. 266.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ И. Я. Фроянов, Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории, Л., 1974, стр. 62—65.

⁵⁰ Там же, стр. 57, 58.

богатств, предпринятое без учета социальной психологии доклассового общества, рискует быть односторонним⁵¹.

Итак, княжеские дарения на Руси XI—XII вв.— события обычные, привычные для современников. Они не только отголоски и пережитки прошлых столетий, а и учреждения, порожденные социально-политическим строем Руси⁵². Одаривая древнерусский люд, князья возвышались в общественном мнении, приобретали популярность в массах и (что самое главное) добивались расположения народа. В сознании людей Древней Руси хороший князь — это прежде всего щедрый князь. Недаром в летописных некрологах книжники старались подчеркнуть щедрость почивших князей⁵³.

В XI—XII вв. князья по-прежнему не только одаривали людей, но и пировали вместе с ними. Летописи пестрят сообщениями о княжеских пирах. Майскими днями 1115 г. в Вышгороде состоялось торжество по поводу переноса мощей Бориса и Глеба в специально построенный для этого храм. В Вышгород приехали Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи. После освящения церкви князь Олег дал обед: «...и бысть учреждение велико и накормиша убогия и страньяныя по 3 дни»⁵⁴. Летописец, перечисляя тех, кто праздновал в Вышгороде, называет князей, бояр и людей, т. е. народ⁵⁵. Простая чадь сидела за столом у князя Изяслава, который, будучи в Новгороде, «посласта подвоискеи и бириче по улицам кликати зовучи ко князю на обед от мала и до велика, и тако обедаваше, веселишася радостью великою, чествоу разидошася в своя дома»⁵⁶. Тот же Изяслав, прогнав Юрия Долгорукого из Киева, устроил в честь победы над соперником обед. Среди званых отобедать «на велицем дворе Ярославли» были и «кияны», иначе — горожане⁵⁷. С «киянами» встречаемся и на пиру у князя Вячеслава, приходившегося дядей хлебосольному Изяславу⁵⁸. Их же застаем на пиру у Святослава Всеволодовича⁵⁹.

25 августа 1218 г. распахнулись двери церкви «святых мучеников» Бориса и Глеба в Ростове. В ознаменование открытия храма князь Константин «створи пир и учреди люди, и многу милостыню створи к убогим»⁶⁰. 3 апреля 1231 г. митрополит киевский поставил епископом в Ростов некоего Кирилла, духовника князя Василия Константиновича, после чего состоялся грандиозный пир: «И еша и пиша того дни в монастыри святыя Богородица Печерьския много множество людии... их же не бе мощи ищести»⁶¹.

Нередко князь и горожане обменивались любезностями, приглашая друг друга на обед: «Кыяне же почаша звати Давыда на пир и подаваючи ему честь велику и дары многи. Давыд же позва кыяне к себе на обед и ту бысть с ними в весельи мнозе и во любви велици и отпусти их»⁶². В 1159 г. полочане позвали князя Ростислава на городской пир — «братчину», по терминологии летописи⁶³.

⁵¹ То же самое необходимо сказать и о многочисленных известиях летописей о разграблении имущества князей, изгнанных людьми из того или иного города.

⁵² Ср.: «История культуры Древней Руси», т. I, стр. 275, 276.

⁵³ См.: ПВЛ, ч. I, стр. 101, 111, 132, 142; ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 294, 368, 443, 447, 466, 468; ПСРЛ, т. II, стб. 289, 550, 563, 583, 610, 617, 681, 703.

⁵⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 280.

⁵⁵ Там же, стб. 282.

⁵⁶ Там же, стб. 369.

⁵⁷ Там же, стб. 416.

⁵⁸ Там же, стб. 418, 419.

⁵⁹ Там же, стб. 634.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 442.

⁶¹ Там же, стб. 457.

⁶² ПСРЛ, т. II, стб. 682.

⁶³ Там же, стб. 495.

Собранные нами сообщения летописцев о пирах указывают на распространенность публичных застолий в быту древнерусского общества. Эти рассказы убеждают в том, что на княжеских пирах XI—XII вв., как и раньше, частыми гостями были представители рядового населения Руси⁶⁴. На пирах простые и знатные — в одной компании. В «Русской Правде» есть интересный штрих, лишний раз подтверждающий это наше положение. Статья 6 «Пространной Правды», определяющая кару общиннику (члену верви) за убийство «княжа мужа», гласит: «Но оже будеть убил или в сваре или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирую»⁶⁵. Легко понять, что «людин» совершает убийство высокопоставленного «мужа», пируя с ним вместе.

Таким образом, престижные пиры и дарения на Руси X—XII вв. — явления, привычные взору современников. Они соответствовали более сложному в структурном плане обществу, чем потлач североамериканских индейцев и родственные ему институты других племен, хотя и имели единые с ними истоки. Частная собственность в Киевской Руси утвердилась прочно. Поэтому в древнерусских пирах и дарениях нет того, что было характерной чертой потлача: перераспределения богатств по принципу коллективизма, противоборства индивидуального и общинного начал, хотя какие-то следы всего этого еще проступают. В них действовал преимущественно престижный фактор. Однако как пиры и дарения, так и потлач типичны для обществ с незавершенным процессом классообразования. И в этом их коренное сходство.

Прибегая к пирам и раздачам соковищ, князья Древней Руси преследовали конкретную политическую цель — заручиться расположением и поддержкой населения. Такое назначение пиров и дарений свидетельствует о важной роли простого народа в социально-политической жизни Руси X—XII столетий.

PRESTIGE-ENHANCING FEASTS AND DONATIONS IN KIEV RUSSIA

The paper deals with a study of prestige-enhancing feasts and donations in 10th to 12th century Russia as survivals from pre-class society. The study of these institutions leads the author to the conclusion that prestige feasts and donations were widespread in the social-political life of early Russian society. This study also leads to the idea of a resemblance these institutions bear to the potlatch of the North American Indians and to other kindred institutions.

With the aid of feasts and donations early Russian nobility strengthened their authority and power over the popular masses of Kiev Russia.

⁶⁴ Мы не можем согласиться с Н. Н. Ворониным, который считает, что на этих пирах восседали одни только господа. См. «История культуры Древней Руси», т. I, стр. 276.

⁶⁵ «Русская Правда», т. I, М.—Л., 1940, стр. 104.